

Константин Ваншенкин:

Культура. — 1994. — 29 окт. — с. 2.

«ЖИЗНЬ — КАЧЕЛИ: ТО ВВЕРХ, ТО ВНИЗ»

Держу в руках изящно изданный сборник стихов «Константин Ваншенкин. Ночное чтение», недавно вышедший в издательстве «Медиум». Вопреки мнению, что народ поэзию уже не читает, найти книжку на прилавках магазинов не удалось. Спасибо автору за подаренный экземпляр.

Писать стихи в наше время, наверное, дело непростое. Поэзия, как известно, требует особого состояния души. А у многих сегодня и, быть может, в особенности у людей творческих, душа в смятении. Как в это сложное время живет литература, тонкому лирику Константину Ваншенкину?

— Константин Яковлевич, то обстоятельство, что тиражи художественной литературы, толстых журналов резко упали, — факт нашей жизни. Миф о самой читающей стране в мире, как и многие другие мифы, рухнул...

— А вы уверены, что мы были самой читающей страной? Ведь читать можно и телефонный справочник. У меня в былые времена книги выходили очень большими тиражами. И я думал: неужели все эти люди — столь высокие любители и ценители поэзии? Нет, конечно! Я считаю, что читателей, настоящих читателей, не может быть много. Просто была определенная мода на книги, в каждом, так сказать, культурном доме стеллажи с литературой прямо-таки заменяли иконостасы. Но ведь вся литература, которая выпускалась и сейчас выпускается, не может быть первоклассной. Замечательный читатель читает замечательную литературу, средний — среднюю, а никудышный удовлетворяется плохой. И они никогда не пересекаются. Читающий Пикюла, думаю, не подозревает о существовании Пруста. Я говорю это не из желания кого-то обидеть. Просто констатирую реалии. Есть выражение: о вкусах не спорят. Возможно, это правильно, когда речь идет о плательщике или прическе. Но о художественном вкусе думать необходимо, ибо вкус — это не меняющаяся во времени оценочная величина. Она формировалась челове-

ством на протяжении тысячелетий. Нужно говорить — и спорить! — о воспитании вкуса.

— Да, но в разные годы художественные вкусы общества менялись. Претерпевала изменения эта самая оценочная категория. Или не так?

— И так. И не совсем так. Ведь критерием истины продолжает все-таки оставаться время. Оно все ставит на свои места. Известно, что Чернышевский всячески издевался над Яковом Полонским, автором строк «мой костер в тумане светит, искры гаснут на лету...» И кому сегодня нужны сны Веры Павловны? А костер-то все светит, и искры не гаснут... Или вспомните споры о том, что Некрасов замечательный поэт, а Фет никудышный. Время доказало, что и Фет — поэт великолепный.

— Многие поколения советских людей (клише устаревшее, а как сказать по-другому!) воспитывались на литературе социализма, подразумевавшей классовый подход. Сегодня нет ни этого подхода, ни соцреализма. Но осталась литература — список писателей будет значительным. Как же все-таки быть с «измами» в литературе? Вот как вы, например, относитесь к постмодернизму?

— А у меня такой подход: я не знаю, что такое соцреализм, абстракционизм, постмодернизм. Я читаю что-то и вижу — трогает меня это, задевает душу или нет. К какому направлению это принадлежит, дело, на мой взгляд, десятое...

— Но вы же сами сказали,

что одного трогает Пикюль, а другого Пруст...

— Готов повторить: нужно воспитывать читательский вкус, нужно прививать навык к познанию, пониманию литературы. Причем желательно делать это как можно раньше. Только не так, как в большинстве школ на уроках литературы. Сама литература — искусство, а преподавание ее — искусство вдвойне. Ремесленничество в этом деле губительно! Вот поставьте себе стол, засыпанный хрусталиками, среди которых лежит единственный бриллиант. Знарок сразу его определит. А неспециалист, глядя на этот стол и зная, что среди стеклышек есть бриллиант, не решится определить его. Нужна все-таки культура восприятия, извините за тавтологию, культуры, мирового культурного наследия. Может, кому-то покажутся мои высказывания самонадеянными, но, думаю, что до некоторой степени имею на них право. Я и мои однокашники прошли великолепную выучку в Литературном институте, куда многие явились прямо с фронтов Отечественной войны. Ну и темные же мы были! Однако страстно жаждали знаний. А преподавали у нас потрясающие профессора: Асмух, Реформатский, Морозов (тот самый Мика Морозов с известного портрета Серова). Они читали нам лекции без всяких скидок на то, что мы по несколько месяцев из окопов не вылезали, книжек в руки не брали в лучшие для учебы годы. Но они читали нам в надежде, что зерно прорастет. И

у большинства эти зерна дали всходы.

— Константин Яковлевич, в вашей последней по времени книге много грустных, горьких и даже трагических стихов. Но вы ни на кого не нападаете, не обвиняете. Как в творчестве, так и в жизни вы не принадлежите к правым или левым группировкам. В этом сборнике есть четверостишие: «Дождь идет, и землю режет лемех. Жизнь разделит нас в полях и хатах. Все не на правых и на левых, А на правых и на виноватых».

— Вы знаете, я никогда не определял своего отношения к коллегам по литературному творчеству в зависимости от их политической направленности. Я вообще считаю, что художник должен быть независим от политики, свободен от пристрастия к общественным кругам. Писателю нужно чувствовать себя одиноком, под этим я подразумеваю личную ответственность за то, что он делает. Конечно, он не должен быть изолирован, общение в литературе необходимо. И, кстати, в прежние годы оно мною, во всяком случае, ощущалось гораздо полнее. Я любил писательские съезды бывшего Союза. Не за те идиотские отиетные доклады, написанные даже не секретарями правления СП, а за их референтами, а за то, что мог встретить коллег из Белоруссии и Литвы, Грузии и Молдавии. Теперь этого нет, к моему сожалению. Все рухнуло — СССР, а вместе с ним и писательский союз. Я понимаю, что и то, и

другое образование были во многом созданы искусственно. Но такого обвала, такого горького чувства от разорвавшихся связей — и духовных, и материальных — я, например, не ожидал.

Когда меня спрашивают сегодня, как я живу, я отвечаю, что не как все, а как некоторые. Три с половиной года назад я потерял жену, Инну Гофф. Она была замечательным прозаиком, автором многих книг, на ее стихи написаны известные песни «Август», «Русское поле», «Я улыбаюсь тебе». Эти годы я занимался и ее делами — сейчас, в эпоху рыночных отношений, очень трудно выпустить книгу. И все же издан сборник ее прозы «На белом фоне», который она сама составляла, вышла пластинка с песнями на ее стихи. Сам тоже немало работаю — в литературе, на телевидении. Но меня не покидает ощущение, что сегодня мы живем в странном, полуреальном мире. Вроде бы все в магазинах есть, но цены растут, а заработок за ними не успевает. Я даже сейчас не о себе говорю, а о среднем человеке, да о том же читателе вашей газеты, работающем в сфере культуры. Он же бедствует! Знают ли власти об этом? По моему, власти ничего в газетах не читают, кроме материалов друг о друге, чтобы при случае подать в суд и получить материальную компенсацию. Раньше во всех начальственных кабинетах висели плакаты «Вперед, к победе коммунизма!». Теперь бы я повесил в кабинетах слуг народа другие плакаты с лозунгами: «Мы живем за счет народа». Но народ на власти почему-то в суд не подает. Как говорится, «никто солдату не ответил...».

— Константин Яковлевич, вы ведь тоже фронтовик. Совсем скоро 50-летие Победы. Как вы себя чувствуете в преддверии этой великой даты?

— Судите сами. Не так давно в одной из газет прочитал заметку примерно с таким заголовком «Участникам войны и инвалидам облегчат жизнь». Там говорится, что правительство Москвы, помимо чего-то, сейчас не вспомню чего, к 50-летию Победы обеспечит фронтовикам бесплатные похороны. Я глазам своим не поверил. Хорошенькие планы! Облегчат жизнь путем бесплатных похорон... Фарс!

Когда-то мы с Эдуардом Колмановским, тоже уже, к сожалению, ушедшим, написали песню «Алеша» — есть такой памятник в Пловдиве, стоит на высокой горе в честь погибших

наших ребят. И город определил эту песню своим гимном. Но пришли новые времена, новые политики. Возбужденные своей властью, они потребовали демонтировать памятник. Жители Пловдива собрали референдум и практически стопроцентным голосованием решили оставить Алешу. К чести тогдашнего правительства Москвы (было это в конце 91-го) в Пловдив послали петицию, где говорилось, что в случае демонтажа, памятник будет перевезен в Россию и установлен на Поклонной горе. Честно говоря, я даже жалею, что так не получилось. Бог его знает, какие еще настроения могут овладеть пловдивским руководством и уже новым поколением его подросших граждан. Помню, я даже написал новый вариант: «Стоит над Москвою Алеша, вернувшийся русский солдат».

— Да, то, о чем вы говорите, действительно, очень грустно. И все же, Константин Яковлевич, снова хочу процитировать фрагмент вашего стихотворения: «Жизнь — не с гулами войны, Не с атаками, А с накатами волны И с откатами». Что-то же вас в жизни утешает, дает надежду на просвет?

— Да, жизнь — это качели: то вверх, то вниз. А утешает меня то, что у меня товарищ скоропортящийся. Сегодня мои стихи нужны малому количеству людей, потому что жить очень трудно, большинству не до стихов. Но подождем лучших времен — волны накатывают и откатывают.

— Константин Яковлевич, много лет назад у вас родились стихи «Я люблю тебя, жизнь». Они тоже стали своеобразным гимном не одного поколения. Что для вас сегодня значат эти строки?

— Это стихотворение стало, действительно, широко известным как песня в исполнении Марка Бернеса. Но оно никогда не было моим, так сказать, программным. Я ведь в поэзии совсем другой — у меня очень много стихов грустных, печальных. Жизнь действительно была нелегкой. Но и тогда я говорил: «Я люблю тебя, жизнь», и хочу, чтобы лучше ты стала». Я люблю все хорошее, что было и есть во всех нас. А есть много хорошего, и было — тоже. Не нужно зачеркивать свое прошлое, каким бы оно ни было, не нужно все мазать черной краской. Я не откажусь ни от одного прожитого дня. По моему, жизнь — это и есть любовь к жизни.

Беседу вела
Е. ГРАНДОВА.